«Мама, смотри, у меня рук нету»

(Окончание. Начало на стр. 1)

Спасибо, люди добрые

Через несколько дней после Диминого возвращения домой земляки как-то пришли в себя и стали помогать.

— Денег я тебе не дам,— сказал Диминому отцу директор Артинского механического завода Борис Овсянников. Потом открыл сейф и достал пятьсот рублей.

Еще семь тысяч рублей для Димы собрали отцовские товарищи. Потом 1130-я, 1739-я, 1149-я и 832-я школы из Зеленограда стали присылать Диме посылки с макаронами, сахаром, сгущенкой, тушенкой. И очень вовремя все это было. Сидели без денег. Все сбережения потратили на поездки в Москву и оформление инвалидности. Потом Надежда Григорьевна Савина из Владимирской области прислала тридцать рублей со словами «У нас сын в Чечне, помолитесь за него». Не знаю уж, помолились ли.

— Отдельное спасибо,— говорит Димин отец,— передайте, пожалуйста, замполиту дивизии полковнику Березину. Уж как обещал помочь. Все, говорил, сделаем. Ничего не сделал. Обещали еще помочь Никита Михалков, генерал Громов, известный уральский предприниматель Павел Федулев. Но тоже не помогли.

В Москве Диме сделали учебные протезы в госпитале имени Бурденко. Мама жила в госпитале с Димой в одной палате полгода. Ей кровать поставили. Врачи говорили, у них на протезах учатся ходить год-полтора, а Дима научился за два месяца.

Сотрудники кафедры аналитической химии МГУ подарили Диме компьютер (Pentium II, CD, колонки), привезли прямо на перрон к поезду, когда Дима возвращался домой.

Хуже, когда пятка чешется. Или когда чувствуешь пальцы рук

В Москве Диме сделали учебные протезы в госпитале имени Бурденко

Начальник компании «Уралнефтемаш» Самвел Богдасарян подарил Диме струйный принтер и модем. Модем у Димы пока лежит без дела. Арти хоть и районный центр, но интернет-провайдеры сюда еще не дотянулись. Так что работать на компьютере практически не выходит. Приходится играть.

Сидим пьем чай с медом. Что спросить?

— Фантомные боли есть?

— Постоянные,— говорит Дима спокойно, так, словно речь идет о кариесе.— Ерунда, я привык. Хуже, когда пятка чешется. Или когда чувствуешь пальцы рук.

— А если поставят хорошие протезы, что будешь делать?

— Ходить больше буду. Я в движениях ограниченный, сам многого не могу.

— А что тебе снится?

— Думаешь, армия? Взрывы? Нет,— Дима улыбается.— Иногда мне снится, что я здоров. Но очень редко.

Защита от жалости

Когда я уходил, Димин отец, провожая меня, сказал тихонько:

— Как на ваш взгляд? Ничего?

— В каком смысле?

— Ну мне кажется, сын в себе что-то носит. Как будто знает, что с ним будет, понимаете? Как будто придумал какой-то способ защититься от тех, кто его жалеет.

— Защититься? Зачем?

Знаете, дорогие читатели, я провел с Дмитрием Павленко день и подумал вот что. Он ведь все время делает вид, будто ничего не случилось. Ну подумаешь, граната разорвалась. Подумаешь, маскхалат не по размеру. Подумаешь, ноги оторвало. Что ж теперь? Жалобиться?

Димины родители звонили специально в Санкт-Петербург на протезный завод. Там сказали, что протезы стоят $5 тыс. А еще сказали, что есть протезы с компьютерным управлением. Эти по $17 тыс. каждый. Их делают в Германии.

Замглавы администрации Артинского района Людмила Дианова забросала письмами министра здравоохранения Свердловской области Михаила Скляра и главного травматолога области с просьбой сделать импортные биопротезы. Но ни министр, ни травматолог не помогли. Говорят, денег нет.

Спокойнее всех к невозможности заменить негнущиеся, похожие на ходули учебные протезы компьютерными относится, кажется, сам Дима. Ну подумаешь, ходить нельзя. Подумаешь, ног нет. Только иногда, выкатываясь в своем инвалидном кресле на веранду покурить, смотрит в окно подолгу и думает:

— Так бы и прошелся.

ВИКТОР СМИРНОВ,
Екатеринбург

Из свежей почты фонда

«…Я своими руками вынула сына из петли»

Мой Сережа всегда был активным, занимался каратэ и футболом, участвовал во всех школьных соревнованиях. А в октябре 1999-го в нашу семью пришло горе: Сережа тяжело заболел. Диагноз страшный: острый миелобластный лейкоз. Спасти моего мальчика могла только трансплантация костного мозга. Сережа получил курс химиотерапии в отделении онкогематологии РДКБ. А 13 марта ему сделали трансплантацию. Операция успешная, и мы с огромной надеждой молимся, чтобы все было у Сережи хорошо. После трансплантации необходимы очень дорогие лекарства. Когда Сережа заболел, мои коллеги, школьные учителя, собрали $1 тыс. Но мальчику сейчас необходима поддерживающая иммунотерапия препаратом пролейкин. Надо 20 флаконов, это $7 тыс. Я умоляю вас, добрые люди, помогите нам! Я очень верю, что Сережа полностью восстановится. *Елена Никитина, Московская обл.*

Мы попросили прокомментировать письмо лечащего врача Сережи Наталью Мякову : «Мальчик в хорошем состоянии, прогноз оптимистичный. Действительно, после трансплантации нужно три месяца лечения пролейкином. Этот препарат удаляет больные клетки, которые не достала химиотерапия». Счет фирмы-поставщика препарата есть в фонде.

Я безработная и уже отчаялась найти хоть что-то постоянное. Моя основная профессия, контролер ОТК, сейчас не нужна. Мужу все же удалось освоить новое дело — он стал шофером, но заработки пока так низки, что и концы с концами не сводим. У нас еще сын-школьник. Ради Бога, не подумайте, что мы попрошайки какие. Я все умею делать своими руками. Но главная моя любовь — шитье. По специальной литературе давно уже выучилась делать расчеты, строить выкройки, моделировать одежду. Я, например, смоделировала для сына школьный костюм. Удобный, красивый и недорогой! А главное, единственный в своем роде. И сына уже многие спрашивали, где «достал стильный прикид». Если бы у меня была бы настоящая швейная машинка с оверлоком, я смогла бы обшивать не только семью, но и часть горожан. И рынок сбыта есть! Но швейная машина среднего класса стоит 5600 рублей, оверлок — 7800 рублей, ткань и фурнитура на первую партию — еще 5 тысяч рублей. Все это суммы для меня неподъемные. Родственников нет, а урывками столько не заработаешь. Но я не теряю надежды. Пожалуйста, опубликуйте мое письмо. *Марина Тонких, Омская обл.*

— Семья трезвая и положительная,— заверил нас Геннадий Пантелеев из омской областной соцзащиты.— А Марина — прекрасная белошвейка. Просто классные мужские рубашки, женские блузки, а какая детская одежда!

Пишет вам Людмила Васильевна Иванова. Во-первых, привет от нас, а во-вторых, низкий поклон за вашу помощь несчастным. Пишу и плачу. Завтра мой день рождения, 45 лет, радоваться бы, но у меня горе. Мы остались без коровы. Несчастный случай. Прежде я работала дояркой, а теперь инвалид по зрению. Получила травму — и работе конец. Имею мужа и пятерых детей. Самым меньшим 5 и 7 лет. И вот как без молока? Муж — колхозник, как и все, трудится без зарплаты, живем всемером на мою пенсию 320 рублей. Ладно картошка есть. Дом построили сами, летом будет девять лет. Изба хоть и бедная, да своя! А вот сарай отремонтировать после урагана в августе 1998-го никак не можем, нет денег. Прошу вас, помогите купить корову. Надо 8 тысяч рублей. *Иванова, Чувашия.*

Господа из Чувашского министерства соцзащиты, куда мы обратились с просьбой проверить письмо Людмилы Васильевны, оказались на редкость расторопными. Сарай, пострадавший от урагана двухлетней давности, уже отремонтирован. А в остальном все точно написала Людмила Иванова.

Не знаю, как и просить, чтобы вы меня поняли. У меня двое детей: дочка и сынок. И оба инвалиды. Я прошу помочь сыну Стасу. Ему 16 лет, с раннего детства у него горб (сколиоз). Первые восемь классов он обучался в школе для больных сколиозом, а девятый заканчивал в обычной. Хотел продолжать учебу, да не берут. Замкнулся, днями сидит у себя в комнате. Друзей нет. Стас убежден, что никто не хочет с ним общаться. Я знаю, это не так. Срочно нужна операция, а я, мать, не могу найти денег. Доктор Михайловский из Новосибирского НИИТО даже пытался помочь найти спонсоров. Но не получилось. А сыну все хуже. В прошлом году я своими руками вынула его из петли. Это он от моего бессилия так поступил: «Зачем не дала умереть? Не стало бы меня, и ты бы не унижалась!» Дурачок, не понять ему, что это не унижение — бороться за свое дитя. Но я отчаялась. Доктор Михайловский рассказал о вашем фонде. Напиши, говорит, как есть. Вы помогли его больным. И они стройны! Я сама видела. Умоляю, помогите! *Елена Матвеева, Новосибирская обл.*

Стас мечтает стать автослесарем. Но в училище его не приняли: «Инвалид? Сиди дома!». Господин Михайловский говорит: «Операция с применением французского имплантанта стоит $5580. У мальчишки дикие психологические проблемы. Несколько раз пытался покончить с собой. Я действительно пытался достать деньги для Стаса. Готовились выборы губернатора, и мне, как водится, пообещали. И отказали. Тяжелейший сколиоз грудного отдела позвоночника начинает сдавливать Стасу спинной мозг. Парня может хватить паралич. И в то же время я просто уверен в успехе операции, найди мы с вами деньги».

Уважаемые господа! К вам обращаются работники детдома с большой просьбой. Здесь живут 35 детей от двух до семи лет — полные сироты или оставшиеся без родительского попечения. Бюджет не в состоянии обеспечить ребятишкам даже полноценное питание, не говоря об элементарных пособиях для физического, интеллектуального и нравственного развития. Это воистину обездоленные, отверженные дети. Разумеется, мы стремимся окружить их заботой, чтоб сиротам жилось хоть чуть веселей. Они что беспомощные котята — жмутся к нам, ищут ласки и, конечно, просят сладости и игрушки. Мы несем сюда из своих домов все: продукты, одежду, обувь, книги, игрушки. Очень недостает ярких игрушек, велосипедов, настольных игр, бумаги, карандашей и красок для рисования. Нет самого элементарного: мыла, стирального порошка, зубной пасты, шампуня. Вышла из строя стиральная машина. Для машины вечно нет бензина. А не дай Бог заболеет кто — нет лекарств, и в Тулу везти не на чем. Вот такое будущее подрастает. Какими они войдут в нашу жизнь? Помогите им! Пусть почувствуют заботу добрых людей! *Нина Лепехина, директор Киреевского детдома, Тульская обл.*

Вот что мы выяснили. Нормами предусмотрены 4 тыс. руб. в неделю на питание детей. Фактически здесь уже давно получают половину. Поэтому в магазине, где закупают продовольствие, долг давно перевалил за 10 тыс. руб. Но есть небольшие магазинчики, которые бесплатно, хотя и нерегулярно, снабжают детдом питанием. О бедственном положении детдома наслышаны многие — и жители тоже несут сюда продукты со своих огородов. Денег на игрушки, книжки и на канцтовары детдом не получал уже больше трех лет. Вообще ежемесячный дефицит оценивается в 8 тыс. руб. Но если бы нашлись спонсоры, мечтают в детдоме, и помогли деньгами, то проедать их здесь ни за что не стали: «Первым делом купили бы в Туле стиральную машину ARDO VD-800X за 9900 руб.» А затем одежду и обувь (все размеры есть в фонде).

У моей 7-летней Насти детский церебральный паралич (ДЦП). Мы давно лечимся, но только сейчас обрели надежду. Надежда стоит денег, а вот их нет. Мы живем в деревне, у нас 10 кур и лошадь. Настя пока не ходит, но все же «пошла» в первый класс — отношу ее на руках. Она должна жить и общаться со сверстниками. Она жизнерадостна, с удовольствием помогает мне в огороде сажать и пропалывать овощи, поливает боковые грядки, ползая на коленях. Я хочу рассказать, как нам досталась Настя. Семь лет назад муж Игорь служил в Пянджском погранотряде (Таджикистан). Мы жили вместе: он, я и наша трехлетняя дочь Оксана. Из Афганистана начались диверсии, мне с девочкой пришлось покинуть отряд. С нами ушла жена одного из офицеров — Гуля, она была на седьмом месяце беременности. Мы уже добрались до аула, когда у Гули начались роды. Родилась девочка. Я вышла из комнаты обмыть новорожденную, а моя Оксана осталась с Гулей. Потом прогремел взрыв. Я бросилась в комнату к Гуле и моей дочке. Они были мертвы. Я не знаю, как не выронила малышку из рук. Вот тогда я поклялась, что никогда никому ее не отдам. Оксану и Гулю похоронили в ауле, а я добралась до Ташкента, к своим родителям. Мама продала ковер, на эти деньги мы оформили девочке документы. Назвали Настей в честь бабушки. А через четыре месяца нас нашел мой муж. Мы уехали в Россию, став «переселенцами», получили дом в деревне. В годик Насте поставили диагноз ДЦП. Орловские врачи сказали, что она не будет ходить. А я не верила. Мы много ездили, но я нашла докторов, которые взялись ее лечить. Помогите нам, пожалуйста! Курс стоит $500, первый пройден, надо еще четыре. *Татьяна Парамонова, Орловская обл.*

ВАЛЕНТИН КОНОВАЛОВ

Первые шаги Насти Парамоновой

В московском медцентре, где Настя прошла первый курс, настроены оптимистично: «Она зашагала уже к концу курса, и это было неожиданно». Тот курс оплатил некий американец. Врач Юрий Яковлев считает, что теперь очень важно строго выдержать интервал между курсами (не более полугода). Господин Яковлев уверен, что девочка будет ходить и сможет сама обслуживать себя, «хотя ДЦП до конца не излечивается». Помимо $2 тыс. на 4 курса, Насте необходима спецобувь. Это еще $200. Банковские реквизиты медцентра и Парамоновых можно получить в фонде.

Моему сыну 19 лет. У него ДЦП в тяжелой форме. До 12 лет Слава ползал по квартире, издирая колени в кровь. Потом встал и пошел — неровно, но без посторонней помощи. А вот руки так и не работают. Пишет ногами, печатает и даже кормит себя в мое отсутствие. Но обедать с нами вместе не может — не умеет вообще сидеть на стуле. Только на полу, поскольку все тело, голова, руки непрерывно сильно дергаются. Интеллект, как обычно в таких случаях пишут врачи, сохранен. Очень светлая, умная головушка у моего Славы. Он легко обучается. Самостоятельно закончил заочные курсы английского языка. Еще пару лет назад Слава мечтал стать адвокатом. Я молчала: без рук, с неважной дикцией — какой из него адвокат?! Но он должен был понять это сам. Понял. Теперь пишет детективы. Связались с местным издательством, сейчас ждем выхода Славиной книги. У нас старенькая пишущая машинка, клавиатура то и дело западает. Но Слава упорный. Вот я и добралась до своей просьбы. Слава мечтает о компьютере. Стал копить, выкраивая деньги из пенсии. Но это крохи. Чтобы облегчить его страдания, помогите Славе купить компьютер. Не дайте замкнуться в горе, похоронить себя заживо. *Мария Егорова, Тульская обл.*

Комментарий Любови Гордовой из тульской соцзащиты: «Если бы сама не увидела, не поверила бы, что пальцами ног можно заправлять бумагу, регулировать строку и печатать на пишущей машинке. Снимать трубку телефона, набирать номер. Это чудо какое-то. А врачи когда-то ставили на Славе крест. Он и английский выучил, чтобы быстрее освоить компьютер. Зажатый в четырех стенах, Слава полон знаний и идей. Его рассказы публикуют местные газеты. Наверное, ему нужен не только компьютер, но и принтер в придачу. Помогите ему!»

Как сделать чудо

Лев Амбиндер

руководитель Российского фонда помощи

Только что с оказией отправили в Саратов коробку с генотропином на $14 931. Это гормон роста для Славы Кирюхина. Славе в мае исполняется 16. И теперь в нем роста 142 см. Три года назад было ровно на 30 см меньше.

А история началась в конце 1996-го с письма Любови Кирюхиной, мамы Славы. Он был обречен на жизнь карликом. А мы в Российском фонде помощи тогда только начинали. И цена в $10 тыс. даже годового курса для Славика рисовалась совсем запредельной. Конечно, мы еще не знали своих (то есть, конечно, ваших!) возможностей. И это, согласитесь, было так понятно. Повсюду: на улице, на экране ТВ, в газетах — жизнь на грани нервного срыва. От здоровых-то шарахаемся! А тут чужое отчаяние, ужас, чужая, невесть от чего и за что перечеркнутая жизнь. И цена спасения (только на один год!) в $10 тыс. Но горе Любы Кирюхиной было таким неподдельным, она так отчаянно боролась за сына, что мы не устояли, и текст о Славике появился в печати.

А потом случилось чудо. За тридевять земель из другой страны позвонила другая мама, и Слава получил свой генотропин. На целый год. Потом еще на год. И еще на год. И вот только что — на четвертый годовой курс! Все от той же «чужой» мамы. Наш Слава рос, как по учебнику. И вместе с ним росла цена за годовой курс. Неизменным оставался лишь весенний звонок той, другой мамы: «Как там наш Славик?». И мы бросались оформлять новый счет на генотропин.

За эти годы мы с вами помогли многим сотням людей самого разного возраста. Мы остались верными принципу фонда: помощь идет напрямую от одного частного лица другому. Даже когда проводили акции помощи семьям погибших шахтеров Кузбасса. Или самарских милиционеров. Или пострадавшим от взрывов прошлой осенью москвичам и волгодонцам. Эта помощь, если мерить на деньги, смотрится: почти полтора миллиона долларов. Но по-прежнему каждый ваш денежный перевод, каждую посылку я воспринимаю как чудо. Потому что к этому невозможно привыкнуть. По крайней мере у меня не получается. И дело не столько в том, что на улице, в метро ты одинок в толпе, и каждый в отдельности смотрится насупленным, а тут, в фонде, разительная благодать единения. Просто то, что каждый раз делаете вы,— это дар души. Что на самом деле и есть чудо.

История же с чудесным ростом Славы Кирюхина выбивается из общего ряда необычной последовательностью «чужой» мамы. Чтобы четвертый год подряд растить (в буквальном смысле!) чужого мальчика — второго такого случая у нас в фонде не было. Впрочем, какие же они теперь чужие, Слава и та женщина?

А теперь о других чудесах за «отчетный» период. Исчерпывающие отклики получили все авторы писем, опубликованных на последней по счету странице фонда в «Коммерсанте» (18.12.99). Семье костромичей Алексеевых, в которой 16 детей, высланы $9700 и 13 вещевых посылок. 35-летнему москвичу Алексею, больному ревматоидным полиартритом, вручены $5250 на протезирование коленных суставов. Ольге Дашковской из Подмосковья полностью профинансирован годовой курс лечения от гепатита ее сына Ильи на $1900. Инвалиду Натальи Гордовой (Тульская обл.) отправлена швейная машинка «Чайка» и $632 на оверлок. Две операции общей стоимостью $2737 проведены в НЦ им. Бакулева годовалому москвичу Сереже Иванову и трехлетней Ане Кейль из Омска. Инвалиду-студенту Андрею Перминову (Челябинская обл.) вручен компьютер с принтером. А в целом за четыре месяца этого года оказана помощь еще на $91 390. (Мы публикуем ежемесячные подборки еще и в журнале «Домовой».)

Из примет последнего времени: небольшое снижение числа предложений помощи, сокращение количества посылок и одновременный рост объема финансовой помощи. Появились читатели, с завидным постоянством ежемесячно перечисляющие крупные суммы нашим бедолагам. И совсем свежая новость: читатель наших писем в «Домовом» заплатил по счетам авторов всей подборки номера ($29 700). Такого еще не было. Стало больше иногородних помощников, хотя по-прежнему лидируют москвичи. Появились иностранные благотворители.

Помогали: Дмитрий, Елена Арсеньевна, Яна, Андрей, две Ольги, Дмитрий, Игорь и Галина (все — Петербург), Игорь Викторович, Марина (оба — Нижний Новгород), Лилия, Борис и Андрей Леонидович (все — Казань), Ирина (Московская область), Люба, Виктория (обе — США), Максим, Павел, Арчил, Евгения, Валерий, Геннадий, два Михаила, Евгений, Тата с Ильей, три Людмилы, две Юли, Алексей, Елена с мужем, Алексей, Светлана, Ира, три Сергея, два Константина, Элла, Александр, Татьяна, Татьяна Петровна, два Юрия, Лариса, четыре Марины, Оксана, Майя, Екатерина, Сергей, две Надежды, Александра, Лариса Сергеевна, Людмила Юрьевна, три Лены, пять Дмитриев, две Наташи, Екатерина, Борис, Любовь Ивановна, Маша, восемь Ольг, Виктор, три Натальи, Лена с Димой, Мангана Ильинична, Владимир, Вадим Викторович, пять Ирин, две Марии, два Михаила, Олег, Николай, Татьяна Федоровна, две Инны, Алина Владимировна, Андрей Сергеевич, Галина, два Андрея, Михаил, Катя, супруги Борис и Ольга, пять Елен, представительство датской компании Novo Nordysk (все — Москва).

Спасибо — и успехов всем!

Посылка без спроса

Читатель, как известно, любит знать, что было дальше. Вот история из практики Российского фонда помощи. Полтора года назад в „Ъ" была опубликована просьба помочь бывшему сапе-ру, челябинцу Сергею Аксенову. Он потерял ногу в 1995-м, в первую чеченскую кампанию. Положенный бойцу бесплатный отечественный протез не годился. Мечта о современном немецком рисовалась реальной только во сне. Вскоре после публикации письма наш читатель оплатил протезирование Аксенова (DM4690) в московском представительстве фирмы «Отто Бокк». Наш корреспондент в Челябинске рассказывает, как складывается дальнейшая судьба Сергея.

Фронтовики дед и внук Аксеновы

Сегодня только ленивый не пишет, как родное отечество помогает своим защитникам. Мол, коль гражданин ты — отдавай долг Родине. А вот ее долги как бы и не обязательны к исполнению. Куда меньше пишут о бездарно растрачиваемых любезным отечеством ресурсах на снабжение защитников протезами времен то ли завоевания Крыма, то ли первой мировой. Действительно, те страшные — сам видел! — железяки, в которые Родина на излете XX века бесплатно обувает своих страдальцев, как правило, потом бесцельно пылятся по чуланам да сараям. Молодые инвалиды этим подарком не пользуются. Им (и за них!) стыдно, больно, обидно.

И уж совсем мало сообщений о частной, то есть благотворительной, помощи нашим юным инвалидам. Разумеется, частным порядком всем не поможешь. И все-таки «уменьшить количество горя в одном отдельно взятом месте», как говорит дед Сережи Аксенова, Анатолий Павлович, благотворительности вполне по силам. История с обретением Сережей современного протеза — тот самый случай.

Рядовой Аксенов служил сапером в первую чеченскую войну. Участвовал в разминированиях. До дембеля оставалось ровно три недели, когда его достал-таки снайпер. Пуля раздробила голень и перебила нервный узел. Сергея отправили в полевой госпиталь. Врач скорее приказал, чем спросил: «Резать! Протянем — придется отрезать еще выше». И Сергей, теряя сознание от потери крови, кивнул. Так в чистом поле ему и отхватили ногу. Об уровне стерильности операции судить сложно. По всей видимости, гепатитом его заразили там же, при переливании крови. По возвращении в Челябинск городская судебно-медицинская экспертиза решила, что Сергей с культей тянет на вторую группу инвалидности. Но районная ВТЭК через три недели переправила вторую на третью, даже не затруднившись внятным объяснением. На культе, естественно, это никак не отразилось. В том смысле, что нога не подросла. Сейчас Сергей Аксенов получает 472 рубля пенсии как инвалид войны. То есть без надбавки за трудовой стаж. Потому что какой мог быть стаж у 18-летнего призывника?

Родные не отвернулись от Сергея, но и сюсюкать не стали. Особенно сильное впечатление на меня произвел дед. Он пришел, когда я сидел у Сергея в гостях. Появился в дверях, пригладил пятерней густые седые вихры, сунул шершавую ладонь, отрекомендовался: «Дед Аксенов». Именно дед (кстати, тоже участник войны, только другой, окончившейся ровно 55 лет назад) помогал Сергею устраиваться и притираться к жизни без ноги. Надев орден Великой Отечественной войны II степени, ходил по инстанциям. Даже писал «первым лицам». И во всех неудачах, когда не удавалось выбить деньги или оформить льготы, дед винит только себя. Скажем, выплатили Сергею три миллиона рублей «старыми» в качестве компенсации за ранение. А, по подсчетам однополчан, следовало бы не меньше пяти миллионов. Или вот не выплатили причитающуюся саперу сумму за участие в разминированиях. Дед считает, будто все это оттого, что он неверно заявление «справил».

По возвращении домой Сергею сделали протез «по линии Минобороны». Протез, уверен дед Аксенов, собирали не иначе как на танковом заводе. Ходить на таком больше двух часов невозможно, хоть на стенку лезь от боли. Железка — она и есть железка. Давит, трет. Уж лучше на костылях.

Но жить надо. Сергей поступил в агроуниверситет, на факультет сервиса и эксплуатации автотранспорта. Три семестра на стационаре выдержал — и взял академический отпуск. Жизнь на четыреста рублей в Челябинске, если не имеешь своего угла, возможна только в общежитии. Но жить в общаге калеке не под силу. Уехал обратно в свой поселок Зауральский. И тут старания деда (нежданно-негаданно для него самого) привели к результату. Дед строчил во все инстанции. В том числе и в Российский фонд помощи. Узнал о фонде из радиопередачи и на всякий случай отписал про Сережины протезные мучения. Если честно, дед и сейчас ничего не знает про газету «Коммерсантъ» и публикацию письма. Все, что ему известно, укладывается в простую формулу. Это он, мол, так правильно составил заявление, что в фонде не смогли открутиться да и выслали деньги — сколько надо и куда надо. И внука, наконец, вызвали в Москву и поставили на отличный немецкий протез.

Сколько ни пытался Сергей объяснить, что на самом деле деньги на его пребывание в столице, пока в фирме «Отто Бокк» «выращивали» ногу, выложил некий молодой предприниматель, дед только отмахивался. Он и сейчас всем рассказывает, что «новые буржуи не для того деньги куют, чтобы потом разбрасываться». И что помог его внуку-герою именно Российский фонд помощи («А как же, на то он и фонд, чтобы помогать!»), а не какая-то газета «с подозрительным названием».

Сергей сначала и сам не очень-то верил в существование молодого предпринимателя. Тем более что ни адреса, ни даже имени-фамилии Аксенову в фонде не сообщили. А что до протеза, то тот подошел почти сразу. Со второй примерки. Сергей встал и пошел. Ну просто как прежде! Впервые за многие месяцы не ощущая ходьбу тяжким трудом. Ни тяжести, ни боли. «Эту немецкую штучку и протезом назвать как-то неловко. Нога как живая. Только пульс не прощупывается». И впервые после ранения стало легко и бесшабашно. «Появились и оформились цели», — сказал мне потом.

Как-то сразу вдруг окрепли отношенияс девушкой Эльвирой. И она переехала к Сергею. Насовсем. А тут вдруг незнакомый парень на междугородный переговорный пункт приглашает. Оказывается, тот самый предприниматель объявился, что протез проплатил. Оказывается, он постоянно звонит в Российский фонд помощи и отслеживает судьбу Сергея. Узнав о вынужденных каникулах «крестника», предложил оплатить учебу в Челябинске. По самую защиту диплома.

Сережа отказался. «Спасибо, конечно, но теперь я сам».

Так ему тогда казалось — сам крепко стоит на обеих ногах, справится. Но в умирающем шахтерском поселке с тотальной безработицей инвалиду найти работу очень трудно. Нет ее и у Сергея. Пенсия тоже больше не стала. С переездом Эли расходы увеличились (Эля девушка эффектная, любит наряды). Протез хоть и хорош, но, как обувь, тоже изнашивается. Прошло уже полтора года, а Сергей его не под стеклом держит. Стала разваливаться силиконовая вкладка. Та, что нежно обнимает культю. Новая, кстати, обойдется в полугодовую аксеновскую пенсию. И вновь загрустил Сережа. А тут совсем недавно получает посылку. В ней немецкие силиконовые вкладки — запас почти на восемь лет вперед! Оказывается, тот самый предприниматель опять «без спроса» пришел на выручку. И даже обратный адрес не сообщил.

Я не знаю, как дальше сложится судьба Сергея Аксенова. Эта посылка «без спроса» ему как второе дыхание. Работы нет по-прежнему. Но вот последняя новость. Сергей восстановился в агроуниверситете. Правда, на заочном отделении.

Выдержит? Очень хочется верить.

РОМАН ГИРШ

Для тех кто впервые знакомится с деятельностью Российского фонда помощи

Российский фонд помощи создан осенью 1996 года. Он действует как посредник между людьми, которые оказались в беде, и людьми, готовыми им помочь. Фонд получает письма-просьбы и после тщательной проверки публикует их в газете «Коммерсантъ» и журнале «Домовой». Если вы решили поддержать оказавшихся в беде людей — звоните в фонд, получаете их адреса, банковские реквизиты, а дальше действуете самостоятельно.

Адрес фонда: 125252, г. Москва, а/я 50, Российский фонд помощи. Тел.: (095) 943-91-35, тел./факс: (095) 158-69-04. E-mail: rfp@kommersant.ru.